

Великая Отечественная война и народы Дальнего Востока: демографические и этнокультурные последствия

Вадим Анатольевич Тураев,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: v_turaev@mail.ru

В статье рассматривается участие коренных малочисленных народов Дальнего Востока в Великой Отечественной войне, анализируется добровольческое движение среди молодёжи по отправке на фронт, показаны примеры массового героизма воинов-северян — снайперов, разведчиков, артиллеристов, сапёров, пехотинцев и бойцов других воинских специальностей. Патриотическое стремление коренных народов участвовать в борьбе с фашистской агрессией против СССР, поддержанное местными военными органами вопреки решению Государственного комитета обороны не призывать в действующую армию народы Севера, не отвечало, однако, задачам их этнического развития. В статье показаны негативные демографические последствия участия северян в войне: сокращение численности и без того весьма небольших этнических групп, неблагоприятное соотношение полов, вызванное призывом в армию молодых мужчин, снижение рождаемости и брачности, воздействие этих факторов на последующие демографические и ассимилятивные процессы. Не менее негативные последствия имели участие в войне коренных народов и для их этнокультурного развития. С фронта не вернулись лучшие из лучших: писатели, художники, учёные — все те, кого с таким трудом готовили в предвоенные годы. От таких интеллектуальных потерь народы Дальнего Востока не могли оправиться несколько десятилетий. В статье на основе анализа негативных демографических и этнокультурных последствий участия коренных народов в Великой Отечественной войне для их этнического развития делается вывод, что призыв таких народов в действующую армию был серьёзной ошибкой. Мирный труд северян для их будущего был бы важнее воинских подвигов.

Ключевые слова: коренные народы Дальнего Востока, Великая Отечественная война, демографические и этнокультурные последствия.

Great Patriotic War and ethnicities of the Russian Far East: demographical and ethnocultural consequences.

Vadim Turaev, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: v_turaev@mail.ru

The paper deals with participation of indigenous ethnicities of the Russian Far East in the Great Patriotic War; the youth voluntary movement who went off to the front is analyzed; examples of mass heroism of northern soldiers who were sharp shooters, intelligence operators, mine pickers, infantry soldiers, fighters of other military professions are given. Patriotic willingness of indigenous ethnicities to participate in the fight with fascist aggression against their country supported by local military authorities in spite of the State Defense Committee not to draw northern peoples to the color did not conform to the tasks of their ethnic development. The paper describes the negative consequences of the northerners' participation in the war: population size reduction of very small ethnic groups as they were, negative sex ratio resulting from draft of young men, falling birth and marriage rates and effect of these factors on the further demographic and assimilation processes. The indigenous ethnicities' participation in the Great Patriotic War lead to equally negative results for their ethnocultural development. The best nation's representatives did not return from the front: writers, artists, scientists — everyone who had been trained with such difficulties in pre-war years. Ethnicities of the Russian Far East could not recover from such intellectual losses for decades. Based on analysis of negative demographic and ethnocultural consequences of the indigenous ethnicities' participation in the Great Patriotic War on their ethnic development, the paper's author concludes that draft call of indigenous ethnicities to the field was a serious mistake. Peaceful work of northerners for the future of their peoples would have been more important than their heroic deeds.

Key words: Indigenous peoples of the Far East, the Great Patriotic War, demographic and ethnocultural implications.

Участие коренных малочисленных народов Дальнего Востока в Великой Отечественной войне — одна из наименее изученных страниц их истории. Существует единственное диссертационное исследование по этой проблеме, защищённое 40 лет назад [8]. Буквально по пальцам можно пересчитать публикации по данной теме. При этом основное внимание авторы уделяли непосредственному участию коренных народов в боевых операциях или их трудовому подвигу в тылу для достижения победы. Что же касается этнокультурных и демографических последствий ВОВ для судьбы северян, то эта проблема ещё ждёт своего исследования. Между тем именно Великая Отечественная война по своим последствиям оказалась для этих народов во многом определяющим событием XX в. Ни революция, ни Гражданская война, ни репрессии 30-х гг.,

ни массовые переселения 60-х и 70-х гг. не оказали на них столь разрушительного воздействия, как четыре военных года.

Точные данные о числе призванных в Красную армию представителей малочисленных народов отсутствуют. Долгие десятилетия этот вопрос никого не интересовал. Сегодня, к сожалению, уже невозможно установить ни общей численности фронтовиков среди коренных народов, ни их имён и фамилий. В военкоматах почти не осталось документов о призывниках военных лет. Там, где ещё встречаются какие-то списки, национальность, как правило, не указывается. В некоторых случаях о ней можно лишь догадываться по фамилиям, хотя у эвенков, эвенов, некоторых других народов, подвергшихся христианизации, они давно были русскими. Большинство участников Великой Отечественной войны, доживших до победы, уже ушли из жизни. Покинули этот мир хранившие память о них родственники и односельчане. В таких условиях становятся чрезвычайно трудными любые действия, направленные на восстановление имён и фамилий фронтовиков. Ярким примером может служить попытка сахалинских энтузиастов создать книгу памяти о нивхах-участниках Великой Отечественной войны. Среди 19 тыс. призывников-сахалинцев военных лет удалось выявить всего 65 коренных жителей острова — нивхов, эвенков, ороков — хотя их было несравнимо больше [1]. Цифра эта может показаться совсем маленькой, но ведь и численность сахалинских аборигенов накануне войны была мизерной — не более 1000 мужчин *всех* возрастов.

Закон «О всеобщей воинской обязанности», принятый в 1939 г., давал возможность служить в вооружённых силах всем гражданам СССР, независимо от национальности, вероисповедания и социального происхождения. Осенью того же года состоялся и первый призыв в Красную армию коренных малочисленных народов. Именно эти новобранцы приняли участие в первых сражениях ВОВ. С началом военных действий особым указом ГКО малочисленные народы Севера не призывались в действующую армию, однако с первых дней в военкоматы приходили сотни добровольцев из их числа. Известно, например, что только летом 1941 г. из национальных сёл Хабаровского края, Приморья и Амурской области добровольно на фронт ушло около 900 нанайцев, ульчей, удэгейцев, эвенков и других народов юга Дальнего Востока. В течение 1942 г. добровольцами стали ещё более 200 нанайцев, 30 орочей, около 80 эвенков [7, с. 205].

Особенно много отправили на фронт своих представителей нанайцы и ульчи. Безусловное первенство здесь принадлежит Самарам — более 100 добровольцев. Примерно столько же Ходжеров, Оненко, Киле, Пассаров, Гейкеров, Дигоров. Каждый седьмой среди добровольцев-фронтовиков был представителем рода Бельды. За годы ВОВ только из Нанайского района на фронт ушло 1783 нанайца — это почти 40% от всех

призванных в районе [17, с. 74]. На фронтах Великой Отечественной войны сражалось более 8% общей численности нанайско-ульчского населения. Это самый высокий показатель среди коренных народов Дальнего Востока [7, с. 205]. Близким к этой цифре было число удэгейцев, орочей, нивхов, эвенков и эвенов. В Аяно-Майском районе эвенки составляли примерно пятую часть всех ушедших воевать: из Цыпанды и Джигды — 35 чел., Маймакана и Батамги — 29 чел., Тотты — 23 чел. и т.п. [15, с. 175]. Добровольческое движение среди молодёжи народов Севера получило широкое распространение на Северо-Востоке СССР. Только из национальных округов на фронт ушло свыше 1000 добровольцев. Вскоре, правда, призыв в армию из этих районов был приостановлен. Стране не меньше фронтовиков нужна была продукция — олово, золото, рыба и пушнина. С этой целью на Камчатку даже осуществлялось организованное переселение трудящихся.

Известны случаи, когда на фронт уходили целыми семьями. Показательна в этом отношении семья эвенка из Тугуро-Чумиканского района Петра Савина. Вместе с ним ушли воевать его брат Михаил, двоюродные братья Филипп и Куприан Лукьяновы. Били фашистов и односельчане Петра: Михаил Стручков, братья Верёвкины — Степан и Николай. В 1945 г. в войне с японцами участвовал Семён Петрович Савин.

Просьбы добровольцев о вступлении в ряды Красной армии удовлетворялись не всегда: призывались прежде всего грамотные, хорошо владеющие русским языком. Таких на юге Дальнего Востока было больше, чем на Чукотке и Камчатке. Ведь в окружении преобладающего русского населения, в условиях тесного языкового и хозяйственного общения они жили уже почти 100 лет. Сказывалась и степень доступности территории. Вывезти призванных в армию на материк с Камчатки, а тем более с Чукотки, по тем временам было делом весьма непростым.

Практически все воинские соединения, сформированные на Дальнем Востоке, имели в своём составе представителей коренных народов. Особенно много их было в 78-й (9-й гвардейской) стрелковой дивизии. Воины нерусской национальности составляли 35% её личного состава. Не менее этнически разнообразными были 32-я, 98-я, 126-я дальневосточные стрелковые дивизии, но особенно показателен состав 88-й отдельной стрелковой бригады, формировавшейся на Дальнем Востоке. Из 510 её бойцов на 1 января 1943 г. 393 были представителями коренных народов [8, с. 113]. По существу, это было воинское формирование коренных малочисленных народов. Советское командование разрешило создавать подобные воинские коллективы по родовому (фамильному) принципу. Отделение или даже взвод могли состоять из одних Оненко, Самаров или Дигоров. Некоторые командиры позволяли бойцам-северянам носить неуставную форму: обувь и одежду из оленьих шкур. У знаменитого снайпера Торима Бельды, например, из оленьей шкуры были даже погоны.

Рис. 1. Плакат, посвящённый М. Пассару

Воины из числа коренных народов Дальнего Востока участвовали в боевых операциях на всех фронтах Великой Отечественной. Среди них были бойцы 59 воинских специальностей: стрелки, разведчики (более 300 чел.), снайперы, пулемётчики, командиры орудий, связисты, радисты, сапёры, бронбойщики, миномётчики, командиры подразделений, политработники. Свыше 6% имели офицерское звание, двое из трёх были коммунистами, каждый 4-й — комсомольцем [8, с. 202]. Особенно прославились на фронтах снайперы из числа малочисленных народов. Их было более двухсот — десятая часть всех снайперов, участвовавших в Великой Отечественной войне [8, с. 151].

Летопись ВОВ сохранила множество ярких эпизодов фронтовой жизни воинов-северян. Отделение снайперов, состоящее из народов Севера (С. Номоконов, М. Пассар, З. Киле, К. Батум и А. Самар), только за сентябрь-октябрь 1942 г. уничтожило 1106 фашистов [8, с. 22]. Имя Пассара, застрелившего 236 врагов, было известно всему Донскому фронту. Фашисты сбрасывали листовки с дикими угрозами в адрес Максима [2, с. 169], за его уничтожение немецкое командование обещало 100 тыс. рейхсмарок. Советские поэты посвящали Максиму Пассару стихи и песни.

Охотник из Чумикана Зудан Яковлев, захватив вражеский блиндаж, удерживал его до подхода основных сил подразделения. Когда атака захлебнулась, он оказался в окружении, но продолжал вести огонь. Фашисты сбросили в трубу блиндажа гранаты, однако Зудан не прекратил стрелять по врагам. Даже когда блиндаж облили бензином и подожгли, Яковлев не сложил оружия, а в минуту замешательства противника сумел покинуть блиндаж и уйти к своим.

Уже упоминавшийся Пётр Савин в сражении на Курской дуге в 1943 г. уничтожил два «Тигра». Заместитель командира роты эвенк Кирилл Вергун в одном из боёв уничтожил 7 гитлеровцев; его земляк Александр Вершинин вынес с поля боя раненого командира; ульч Тихон Баскаков, руководя огнём батареи, подавил 4 шестиствольных миномёта противника. Командир отделения ороч Акунка ценой своей жизни уничтожил вражеский дзот и тем самым расчистил путь наступающему подразделению. Доблестно сражались нанайцы: пулемётчик Туанча Актанка, наводчик орудия Пётр Самар, разведчик Александр Бельды, ульчи-пехотинцы Андрей Дятала и Владимир Ича, эвенк Трофим Удыгир, чуванцы Семён Кобаков и Аркадий Попов, нивх Алексей Тыхта, коряки Василий Беккерев и Андрей Уваров, эвен Василий Громов и многие-многие другие.

Восемь раз ходила в глубокий тыл японских войск группа разведчиков в составе удэгейцев С.Ч. Календзюги и С.У. Кимонко, эвенка И.Н. Гутчесона, таза Н. Интенши, ороча Г.А. Акунки, нанайцев П.Т. Актанки и Б.Д. Бельды, нивха А. Аткуна, эвена И.С. Аржанова. Разведчики собрали данные об укрепленном районе противника, о его воинских гарнизонах, складах боеприпасов. Это обеспечило успешное наступление советских войск в полосе действия 2-го Дальневосточного фронта. Подвиг разведчиков высоко оценило командование фронта, они были награждены орденами Славы 3-й степени.

За подвиги на фронтах орденами и медалями СССР было награждено свыше 2 тыс. представителей коренных народов, а эвенки И.П. Увачан, С.Д. Номоконов и нанец А.П. Пассар стали Героями Советского Союза. Представляя Александра Пассара к этому званию, командующий 48-й армией генерал Романенко писал: «Пассар имеет на своём

Рис. 2. Снайперы С. Номоконов и В. Канотов. 1942 г.

счету 26 захваченных „языков“ и более 100 уничтоженных в рукопашном бою гитлеровцев. Он 8 раз доставлял ценнейшие карты с обстановкой противника. Особенно выдающиеся подвиги совершил А. Пассар по захвату пленных при форсировании рек Угра, Десна, Сож, Днепр и Березина» [12].

13 благодарностей от Верховного главнокомандующего И.В. Сталина получил за годы войны ульч М.И. Дяфу. Уйдя добровольцем на фронт в 1942 г., он закончил войну в Чехословакии в звании капитана. От рядового до полковника — таков фронтовой путь учителя из стойбища Нижние Халбы нанайца В.Н. Хангени.

Отдадим должное мужеству коренных народов, которые в тяжёлые годы войны проявили себя подлинными патриотами. Вызвавшись добровольцами на фронт, они с честью выполнили свой долг перед Родиной, в полной мере разделили её судьбу. Эти народы не только достойно воевали, но и самоотверженно трудились в тылу, помогая фронту тёплыми вещами, сбором средств на постройку танковых колонн, боевых самолётов.

Война коренным образом изменила привычный образ жизни аборигенов. На службу фронту были поставлены все отрасли их традиционного хозяйства. Вместо ушедших на фронт мужчин в колхозах работали женщины, старики и дети. Среди множества проблем, с которыми пришлось столкнуться в годы войны советским людям, для коренных народов самой, пожалуй, существенной, дающей о себе знать поныне, оказалась демографическая.

Народы Дальнего Востока всегда отличались малой численностью. Чтобы вывести из равновесия хрупкую в демографическом отношении этническую систему, часто насчитывающую всего несколько сот человек, нужно совсем немного. Достаточно изъять пару процентов, и она начнёт давать сбои. Великая Отечественная война забрала неизмеримо больше. Цифры прямых военных потерь у аборигенов Дальнего Востока неизвестны, но, судя по отдельным национальным сёлам, они весьма существенны. У орочей, например, не вернулась с войны почти половина фронтовиков, у хорских и бикинских удэгейцев погиб каждый третий. Из амурского села Булава на фронт ушло 43 ульча, не вернулись 16 (37%). По некоторым оценкам (применительно к отдельным сёлам), у нанайцев и ульчей до победы дожили не более 30% участников войны. Две трети фронтовиков-нанайцев погибли на полях сражений и умерли от ран в госпиталях. Значительное число участников ВОВ, получивших тяжёлые ранения, ушло из жизни в первые послевоенные годы.

Некоторое представление о потерях аборигенов Дальнего Востока в годы Великой Отечественной может дать соотношение полов, зафиксированное первой послевоенной переписью населения. В предвоенные годы характерной особенностью народов Дальнего Востока было

преобладание мужчин: на северо-востоке на 100 мужчин приходилось в среднем 97 женщин, на юге — 92. К 1959 г. ситуация в корне изменилась. Преобладающей частью населения почти у всех народов Дальнего Востока стали женщины. У нанайцев, эвенков и чукчей на 100 мужчин приходилось 107 женщин, у коряков — 109, орочей — 112 и т.п. [5, с. 311]. Особенно большое несоответствие наблюдалось у мужчин и женщин в возрасте от 34 до 44 лет: мужчины этого возрастного диапазона составляли основной костяк фронтовиков в годы войны. Произошло сокращение доли мужчин и в старших возрастах: например, у эвенков — на 10—15%. Существенная часть — прямые военные потери.

Женский перевес в репродуктивном диапазоне возрастов (18—49 лет) не мог не обернуться ещё одним комплексом проблем. Преобладание в структуре коренных народов женщин стало питательной средой для роста числа смешанных в этническом отношении браков и, как следствие, ускорения ассимилятивных процессов. Накануне Великой Отечественной войны смешанные браки даже у приамурских народов были достаточно редким явлением, и чаще всего вступали в них мужчины. В послевоенный период число таких браков быстро растёт, причём вступают в них преимущественно женщины, поскольку это чуть ли не единственная возможность создать семью.

Не менее значительными оказались потери косвенные. На фронт ушли молодые и здоровые мужчины, что сразу же нарушило систему воспроизводства. В похозяйственных книгах национальных сёл за 1970—1980-е гг. буквально единицами встречались рождённые в военные годы. У удэгейцев и нанайцев Красного Яра (Приморье), например, эта возрастная группа в конце 80-х гг. составляла всего 2% от общей численности. А ведь им было всего по 45—50 лет. Интересно, что в это же время у эвенов Березовки (Якутия), которые скрывались от советской власти в глухой колымской тайге до середины 1950-х гг. и, естественно, не принимали участия в войне, этот показатель был выше более чем в 2 раза.

Уместно сказать, что официальная статистика всегда скрывала численность военных поколений, и не только у коренных народов. В материалах переписей эти возрастные группы неизменно объединялись с многолюдными послевоенными поколениями. Так было удобнее маскировать истинную цену победы.

Таким образом, снижение рождаемости — ещё одно следствие участия аборигенов Дальнего Востока в войне. Но дело не только в этом. Роль мужчины в традиционной системе жизнеобеспечения аборигенных народов всегда была исключительно велика. Северное хозяйство не могло существовать без него. Семья, в которой умирал хозяин-мужчина, была обречена, и не случайно у коренных народов так долго сохранялся особый институт брака — левират, согласно которому брат умершего обязан

был жениться на овдовевшей женщине и таким образом содержать её семью. Это была форма выживания народа, поддержания стабильности этнической системы.

К началу 1940-х гг. традиционная система жизнеобеспечения ещё сохраняла своё значение. Отправив на фронт мужчин, многие семьи оказались в критическом состоянии. К тому же до минимума сократилась государственная помощь. В военные годы в северные районы совершенно не завозились промышленные товары, продовольствие, медикаменты. Повсеместно наблюдались голод и эпидемии. Качество медицинского обслуживания в отдалённых районах всегда было крайне низким, а в годы войны оно ещё ухудшилось. Лечебные учреждения испытывали нехватку медикаментов, практически прекратилась профилактическая работа, катастрофически не хватало медицинских работников, особенно врачей. По существу была приостановлена борьба с туберкулёзом. К концу войны почти у трети всех орочей было диагностировано данное заболевание. У верхнеколымских юкагиров первые послевоенные медицинские осмотры населения выявили 40% туберкулёзных больных [3, с. 18]. В середине 50-х гг., по утверждению руководителей Тугуро-Чумиканского и Аяно-майского районов, чахоткой болело от 60 до 70% охотских эвенков. Смертность от неё достигала 49% от общего числа умерших [14, с. 91]. В Корякском национальном округе в расчёте на 10 тыс. чел. коренного населения туберкулёзом болело 477 чел. — в 34 раза больше, чем в целом по РСФСР [ГАКО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 1071. Л. 169].

В подлинное бедствие, особенно на Северо-Востоке СССР, превратились эпидемии гриппа, кори, скарлатины, других болезней, к которым у народов Севера отсутствовал иммунитет. Особенно страшными по своим последствиям были эпидемии гриппа в Пенжинском и Ольском районах в 1941—1942 гг. и на Чукотке в 1943—1944 гг. В Пенжинском районе грипп буквально парализовал хозяйственную жизнь: некому было пасти оленей, не работали организации и учреждения, прекратилась связь с Петропавловском-Камчатским и Паланой. Особенно высокая смертность наблюдалась среди коренного населения. Круглыми сиротами остались 40 детей. После эпидемии в районе пришлось открыть специальный детский дом. На Чукотке от гриппа в 1943—1944 гг. погиб каждый десятый заболевший [ГАХК. Ф. 137. Оп. 4. Д. 137. Л. 35].

В результате низкого уровня медицинского обслуживания, общего ухудшения условий жизни естественный прирост сильно сократился; во многих районах во время ВОВ смертность заметно превышала рождаемость. Так, у народов Чукотки в 1939—1944 гг. родилось 1492 чел., а умерло 2308 чел. [ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 103. Л. 23]. На Чукотке в годы войны число детей, доживавших до десятилетнего возраста, сократилось на 16% (по сравнению с 1940 г.), а массовое превышение довоенного уровня началось лишь в начале 1950-х гг. [9, с. 283].

Некоторое представление о демографической цене военных лет для эвенков даёт анализ естественного движения эвенкийского населения в Тугуро-Чумиканском и Аяно-Майском районах Хабаровского края. По данным загсов этих районов, с 1934 по 1954 г. родилось 1420 эвенков, умерло — 1015, естественный прирост составил 405 чел. Судя по этим цифрам, численность охотских эвенков в 1934—1954 гг. должна была увеличиться с 2399 до 2804 чел. На самом деле она составила 2029 чел. [15, с. 91]. Большая часть недостающей цифры (775 чел.) и есть концентрированное выражение потерь военных лет.

Потери по социальным причинам и из-за военной неустроенности у народов Дальнего Востока, как правило, превышали военные потери. Истинную картину убыли в годы войны установить невозможно: показатели смертности до сих пор окутаны тайной. Приходится пользоваться лишь отрывочными данными. Достоверно известно одно: общая численность коренного населения за годы войны сильно сократилась. В Корякском национальном округе, например, она уменьшилась в 1939—1945 гг. на 13%, в т.ч. у эвенов — на 16%, у коряков — на 15%, у ительменов — на 12% [ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 33. Л. 196]. Снижение продолжалось и в первые послевоенные годы: к 1954 г. в округе численность уменьшилась (по сравнению с довоенным уровнем) на 1818 чел., в т.ч. коряков — на 910 чел., чукчей — на 591 чел., эвенов — на 213 чел., ительменов — на 104 чел. [ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 464. Л. 51].

Прямые военные потери, потери, связанные со снижением рождаемости и повышенной смертностью в годы войны, не могли не сказаться на демографических процессах в послевоенный период. Судя по имеющимся данным, именно это время было наиболее сложным в демографическом отношении. Повсеместно продолжала сохраняться неблагоприятная эпидемиологическая обстановка. В 1947 г. в Северо-Эвенском районе в результате эпидемии кори погибло около 200 чел. [3, с. 24]. В том же году в Корякском национальном округе у народов Севера родилось 240 чел., а умерло 548; общая их численность сократилась в 1946—1950 гг. с 8418 до 7465 чел., в т.ч. коряков — с 5938 до 5236 чел., чукчей — с 1094 до 876 чел. [ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 207. Л. 194]. На Чукотке численность чукчей в 1946—1949 гг. сократилась на 302 чел. [ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 98. Л. 166]. Если в целом по РСФСР восстановить довоенную численность населения удалось лишь к 1955 г., то у народов Дальнего Востока она не была восстановлена даже к началу 1960-х гг. В 1959 г. число эвенов в Хабаровском крае оказалось ниже довоенного на 200 чел., нанайцев — на 600 чел., удэгейцев — на 400 чел., нивхов — на 200 чел. [11, с. 106]. Ещё более существенным было сокращение титульных народов в национальных округах. Число коряков в 1937—1959 гг. уменьшилось с 7561 до 6168, чукчей — с 13 672 до 11 680 [13, с. 83].

Демографические последствия военных лет давали о себе знать и многие годы спустя. Анализ медицинской статистики свидетельствует, что у поколения, родившегося в РСФСР в 1941—1948 гг., заболеваемость и смертность, в т.ч. среди молодёжи и людей среднего возраста, значительно выше, чем у лиц предшествующих и последующих лет рождения, что связано с пониженным жизненным потенциалом [10]. У коренных народов Дальнего Востока данная ситуация проявляется особенно отчётливо. Значительное сокращение продолжительности жизни рождённых в это время стало особенно заметным к началу 1970-х гг.

Прямые военные потери, снижение рождаемости и повышенная смертность в годы войны и послевоенный период во многом предопределили демографический кризис у народов Дальнего Востока, о котором так много говорится сегодня. Особенности послевоенного развития лишь усугубили ситуацию. Женщины, вступившие в детородный возраст в 1960-е и последующие годы, даже при сохранении традиции высокой рождаемости не могли дать многочисленного потомства. Эта особенность отчётливо проявилась уже в материалах переписи 1979 г. У коренных малочисленных народов в межпереписное десятилетие (1970—1979 гг.) был зафиксирован самый низкий прирост — 2,9%. В предшествующий период (1959—1970) он составлял более 16%. Существенное снижение прироста (в 3—5 раз) наблюдалось у 8 народов Дальнего Востока из 16. У нанайцев в 1970—1979 гг. он сократился, по сравнению с уровнем 1959—1970 гг., с 24,7 до 5,1%, у чукчей — с 15,9 до 3%, у коряков — с 19 до 5% [5; 6; 16]. У нивхов и негидальцев была зафиксирована убыль. Разумеется, на снижение прироста повлияли и другие факторы, имевшие место в эти годы, но существенную лепту внесли последствия Великой Отечественной войны.

Не менее серьёзными оказались последствия участия народов Дальнего Востока в войне и для их этнокультурного развития. На фронт уходили, как уже говорилось, лучшие из лучших: учителя, студенты вузов и техникумов, партийный и советский актив, руководители хозяйств — все те, кого с такими трудностями готовили в предвоенные годы. В Ленинграде из студентов и преподавателей Института народов Севера, где был собран в буквальном смысле цвет малочисленных этносов, их лучший генетический фонд, сформировали добровольческий батальон. В живых из его бойцов остались единицы. Накануне Великой Отечественной войны в небе Чукотки появились первые лётчики-чукчи: Д. Тымнетагин, Т. Елков, С. Шитиков, А. Кеутувги, Ф. Верещагин. Из этой пятёрки выжил лишь Дмитрий Тымнетагин. В битве за Ленинград погиб прославленный художник-косторез, дипломант Всемирной выставки в Париже Вуквол. Не вернулись с фронта почти все первые писатели-северяне: коряки Иван Баранников, Кецай Кеккетын, нанец А. Самар (первым из числа литераторов-северян был принят в члены Союза писателей СССР),

эвенки Никита Сахаров, Григорий Марков, Алексей Калаканов, Павел Алексеев и Май Номоконов, уже тогда всемирно известный художник Константин Панков, лингвист Антон Пырерка, биолог алеут Владимир Хабаров и многие-многие другие. От таких интеллектуальных потерь народы Дальнего Востока не могли оправиться несколько десятилетий. Более того, именно эти потери во многом определили последующий кризис традиционной культуры аборигенов. В годы войны прекратилась массовая подготовка руководящих кадров из числа коренного населения, что не могло не привести к упадку общественной и культурной жизни малочисленных народов Севера, породило у них безынициативность и равнодушие.

Великая Отечественная война отрицательно сказалась на функционировании местных органов власти. Объективно необходимая в военное время централизация управления привела к ослаблению демократических начал, обычными стали нарушение принципов коллегиальности, подмена советов партийными органами. Состав советов за годы ВОВ повсеместно сократился. Например, из окружного совета Корякского национального округа выбыло 13 из 35 депутатов, из районных — 50 из 103, во многих сельских советах осталось по 1—2 депутата [4, с. 216]. Аналогичной была ситуация и в других национальных районах Дальнего Востока. По этой причине нерегулярно созывались сессии, прекратили работу постоянные комиссии, месяцами не проводились заседания окружных и районных исполкомов. Ослабла роль советов как выразителей этнических интересов коренных народов: они всё отчётливее превращались в придатки бюрократической структуры государства, в «приводные ремни» партийно-государственной машины. Чукотский и Корякский окрисполкомы за годы войны ни разу не слушали на своих заседаниях вопросы развития оленеводства — основы основ экономики коряков, чукчей и эвенов. Свернулось преподавание в школах родных языков, прекратилась ликвидация безграмотности взрослых. К концу ВОВ в Пенжинском районе Камчатки, например, неграмотными были более половины председателей сельских советов, многие расписывались тремя печатными буквами. В национальных районах Хабаровского края к началу 1950-х гг. неграмотность взрослого коренного населения колебалась от 40 до 70%.

Характер острой социальной проблемы приобрело в годы войны и послевоенный период пьянство коренных малочисленных народов. Фронтовые 100 грамм сделали алкоголиками многих фронтовиков. Вернувшись в родные сёла, они уже не могли избавиться от болезни. Во многих случаях происходила нравственная деградация. Необычную оценку участия эвенков в Великой Отечественной войне дала Н.С. Кухаренко (Сафронова) из села Бомнак Амурской области: «Большой грех, что эвенков взяли на войну. Бог дал им оленей, им бы и заниматься оленями. А они

людей убивали. Вернулись с войны — стали друг друга уничтожать». Действительно, только в Тугуро-Чумиканском районе в 1947—1953 гг. к суду было привлечено 36 эвенков, в т.ч. 17 человек — за убийство [14; 15].

Общество коренных народов Дальнего Востока в довоенный период никто не рассматривал в качестве больного. Архаичным, экзотическим — да, но только не больным. Таковым оно стало после войны. Причин тому много, и они разные. Одна из важнейших — ВОВ. Война — серьёзное испытание даже для самых крупных народов, что уж говорить о народах Дальнего Востока, численность которых всегда была небольшой. Невольно возникает вопрос: почему государство столь безразлично отнеслось к судьбе этой части своих граждан?

Конечно, война, особенно такая, как Великая Отечественная, когда речь шла о судьбе страны, о судьбе всех российских народов, диктует свои правила. На задний план, на «потом» отодвигаются многие проблемы, всё подчиняется главной задаче — выстоять, победить. Но даже в таких условиях государство не может не думать о будущем. И СССР думал тоже. От опасностей войны спасались не только материальные и культурные ценности, но и их носители и творцы. В эвакуацию были отправлены тысячи учёных, артистов, художников, музыкантов, композиторов, писателей, деятелей кино. Всю войну действовала система бронирования для многих категорий советских граждан. В условиях нечеловеческого напряжения, в минуты смертельной опасности государство думало о будущем.

Почему же не столь осмотрительно отнеслись к коренным малочисленным народам? Ответить на этот вопрос непросто. Не последнюю роль сыграла тяжелейшая ситуация начала Великой Отечественной войны, когда довоенная армия была по сути уничтожена в первые недели, а добрая половина европейской территории СССР с её населением оказалась во власти врага. В таких условиях поневоле пришлось обращаться к демографическому потенциалу всей страны, в т.ч. и самых малочисленных народов. Подобная точка зрения уже высказывалась, но применительно к народам Севера с ней трудно согласиться: победа в Великой Отечественной войне была бы одержана и без них. Их вклад не стоит переоценивать: сотни фронтовиков из их числа были бы гораздо полезнее в тылу, на рыбацких тонях, оленьих пастбищах, охотничьих тропах. Мирный труд аборигенов для будущего их народов был бы важнее воинских подвигов. Не думаю, что этого не понимали те, от кого зависели судьбоносные решения.

Главное, видимо, в другом. К концу 30-х гг. в национальной политике советского государства произошли весьма заметные изменения. Подчёркнутый интерес к этническому развитию нерусских народов, характерный для 20-х — первой половины 30-х гг. и обусловленный идеологическими обстоятельствами, уступил место государственному прагматизму,

когда интересы советских народов стали подчиняться интересам страны. К тому же коренные малочисленные народы никогда не рассматривались (увы, и не рассматриваются) как уникальная государственная и культурная ценность. Вначале они были объектом грандиозного социального эксперимента, а когда надобность в таком эксперименте отпала, отпала и необходимость думать об их будущем.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аглонова Р.Л., Вогзыбина Г.Д., Горбунов С.В. Солдаты земли сахалинской: нивхи — участники Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Тымовское: Тымовский краеведческий музей. 2007. 151 с.
2. Батов П.И. В походах и боях. М., 1966.
3. Гурвич И.С. О результатах исследования верхнеколымских юкагиров // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956—1958 гг. М., 2004. С. 9—20.
4. История и культура коряков: историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 1993. 237 с.
5. Итоги Всесоюзной переписи 1959 г.: РСФСР. М., 1963.
6. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4. М., 1973.
7. Кисличко А.С., Балицкий В.Г. Участие малых народов Дальнего Востока в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. // Вопросы истории Дальнего Востока. Вып. IV. Хабаровск, 1974. С. 201—244.
8. Кисличко А.С. Патриотизм трудящихся малых народов Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1975. 198 с.
9. Навсардов С.М., Мулин В.С. Состояние и перспективы историко-демографических исследований на Северо-Востоке СССР // Проблемы исторической демографии. Томск, 1980. С. 276—285.
10. Поляков Ю., Жиромская В., Араловец Н. Демографическое эхо войны // Война и общество, 1941—1945. Кн. 2. М.: Наука, 2004. С. 232—264.
11. Росугбу Б.М. Малые народности Приамурья в 1959—1965 гг. Хабаровск, 1976. 223 с.
12. Сидорычева А. Дальний Восток в Великой Отечественной войне. Комсомольск-на-Амуре, 2004. URL: <http://www.istorya.ru/referat/7626/1.php> (дата обращения: 16.03.2015).
13. Соколова З.П., Степанов В.В. Коренные малочисленные народы Севера: динамика численности по данным переписей населения // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 75—95.
14. Туголуков В.А. О современном положении эвенков Охотского побережья (по материалам поездки в Тугуро-Чумиканский и Аяно-Майский районы Хабаровского края) // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956—1958 гг. М., 2004. С. 56—100.
15. Тураев В.А. Дальневосточные эвенки: этнокультурные и этносоциальные процессы в XX в. Владивосток: Дальнаука, 2008. 280 с.
16. Численность и состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М.: Финансы и статистика, 1985.
17. Широкая дорога нани: Нанайскому району 50 лет. Хабаровск: Кн. изд-во, 1984. 160 с.

REFERENCES

1. Atlonova R.L., Vogzybina G.D., Gorbunov S.V. *Soldaty zemli sahalinskoj: nivhi — uchastniki Velikoj Otechestvennoj vojny 1941—1945 gg.* [Sakhalin land's soldiers: Nivkh people participating in the Great Patriotic War (1941—1945)]. Tymovskoe, Tymovskiy musey Publ., 2007, 151 p. (In Russ.)
2. Batov P.I. *Vpohodah i bojah* [In campaigns and struggles]. Moscow, Military Publ., 1966. (In Russ.)
3. Gurvich I.S. O rezul'tatah issledovaniya verkhnekolymskih jukagirov [On results of research of Yukaghir people in Verkhnekolymsky District]. *Jetnologicheskaja jekspertiza: Narody Severa Rossii. 1956—1958 gg.*, Moscow, 2004, pp. 9—20. (In Russ.)
4. *Istorija i kul'tura korjakov: istoriko-jetnograficheskie ocherki* [Koryak history and culture: historic and ethnographic essays]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1993, 237 p. (In Russ.)
5. *Itogi Vsesojuznoj perepisi 1959 g.: RSFSR* [Results of all-Union population census performed in 1959: RSFSR]. Moscow, 1963. (In Russ.)
6. *Itogi Vsesojuznoj perepisi naselenija 1970 g. T. 4* [Results of all-Union population census performed in 1970. Vol. 4. Moscow, 1973. (In Russ.)
7. Kislichko A.S., Balitchi V.G. Uchastie malyh narodov Dal'nego Vostoka v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941—1945 gg. [Participation of indigenous ethnicities of the Russian Far East in the Great Patriotic War (1941—1945)]. *Voprosy istorii Dal'nego Vostoka. Vol. IV.* Habarovsk, 1974, pp. 201—244. (In Russ.)
8. Kislichko A.S. *Patriotizm trudjashhihsja malyh narodov Dal'nego Vostoka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941—1945 gg. Diss. kand. ist. nauk.* [Patriotism of working indigenous ethnicities of the Russian Far East in the years of the Great Patriotic War (1941—1945). Ph.D. hist. sci. diss.]. Vladivostok, 1975, 198 p. (In Russ.)
9. Navsardov S.M., Moulin V.S. Sostojanie i perspektivy istoriko-demograficheskikh issledovanij na Severo-Vostoke SSSR [Condition and prospects of historic and demographic research in the North-East of USSR]. *Problemy istoricheskoy demografii*, Tomsk, 1980, pp. 276—285. (In Russ.)
10. Polyakov Yu., Zhiromskiy V., Aralovets N. Demograficheskoe jeho vojny [Demographic echo of the war]. *Vojna i obshhestvo, 1941—1945. Vol. 2.* Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 232—264. (In Russ.)
11. Rosugbu B.M. *Malye narodnosti Priamur'ja v 1959—1965 gg.* [Indigenous ethnicities of Amur region in 1959—1965]. Habarovsk, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1976, 223 p. (In Russ.)
12. Sidorycheva A. *Dal'nij Vostok v Velikoj Otechestvennoj vojne* [Far East in the Great Patriotic War]. (In Russ.) Available at: <http://www.istorya.ru/referat/7626/1.php> (accessed 16.03.2015).
13. Sokolova Z.P., Stepanov V.V. Korennyye malochislennyye narody Severa: dinamika chislenosti po dannym perepisej naselenija [Indigenous Arctic ethnicities: population dynamics according to population censuses]. *Jetnograficheskoe obozrenie*, 2007, no. 5, pp. 75—95. (In Russ.)
14. Tugolukov V.A. O sovremennom polozhenii jevenkov Ohotskogo poberezh'ja (po materialam poezdki v Tuguro-Chumikanskij i Ajano-Majskij rajony Habarovskogo kraja) [On today's condition of Evenks on Sea of Okhotsk coast (on materials of trip to Tuguro-Chumikansky District and Ayano-Maysky District, Khabarovsk Krai)]. *Jetnologicheskaja jekspertiza: Narody Severa Rossii. 1956—1958 gg.* Moscow, 2004, pp. 56—100. (In Russ.)
15. Turaev V. *Dal'nevostochnyye jevenki: jetnokol'turnyye i jetmosocial'nyye processy v XX v.* [Far-Eastern Evenks: ethnocultural and ethnosocial processes in the 20th century]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2008, 280 p. (In Russ.)
16. *Chislennost' i sostav naselenija SSSR po dannym Vsesojuznoj perepisi naselenija 1979 g.* [Population size and composition in USSR according to the results of all-Union population census]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1985, 366 p. (In Russ.)
17. *Shirokaja doroga nani: Nanajskomu rajonu 50 let* [A wide Nani road: Nanaysky District is 50 years old]. Habarovsk, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1984, 160 p. (In Russ.)